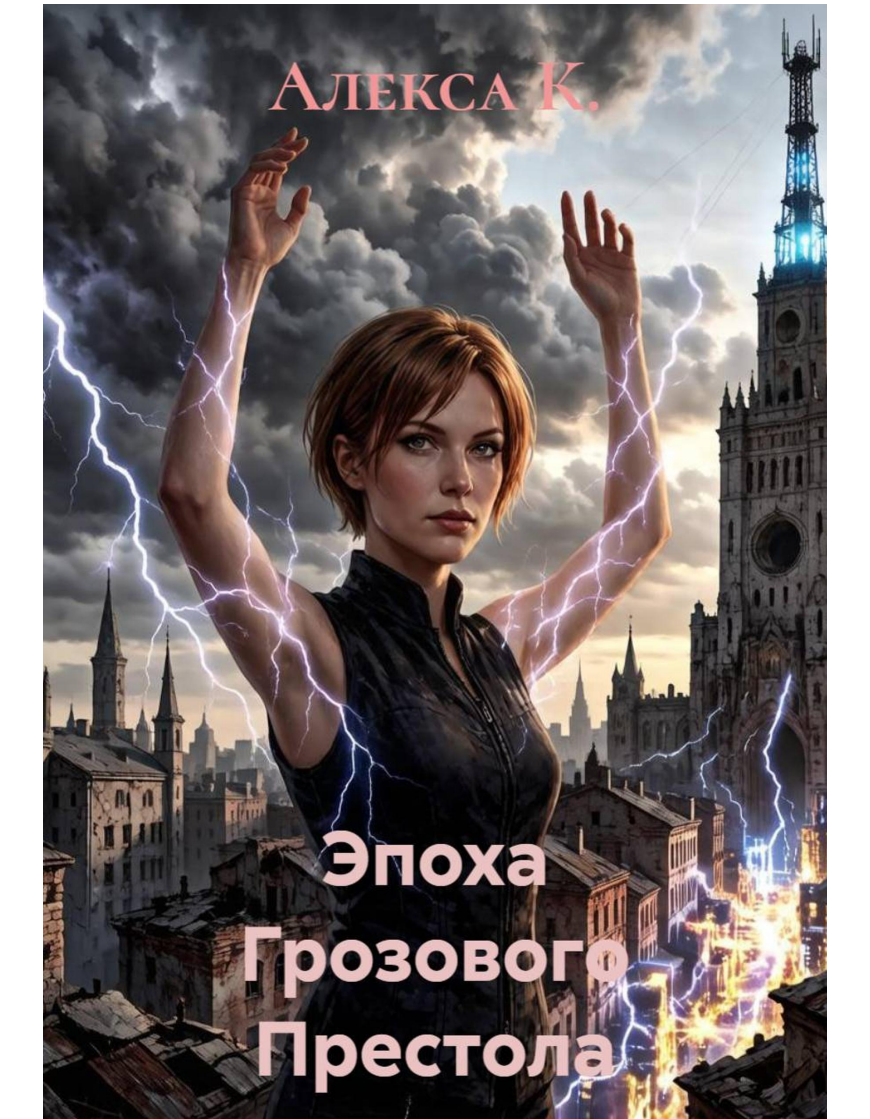

АЛЕКСА К.

Эпоха
Грозового
Престола

Алекса К.

Эпоха Грозового Престола

<https://litres.ru/74398834>

SelfPub; 2026

Аннотация

Великий Раскат длился сто дней. Сошедшие с ума молнии сожгли электронику и пробудили древний вирус, превративший выживших в бессмертных кровососов.

Прошло 70 лет. Миром правит Грозовой Престол — аристократия вампиров, питающаяся кровью и статическим электричеством из вечных грозовых туч. Их замки-шпили высасывают энергию неба, а люди низведены до роли скота.

В трущобах Искристой Москвы живет Лира — «Искра», редкий человек, способный накапливать в теле разряды. Когда патруль убивает ее брата, Лира отправляется наверх во время бури ради мести. На вершине разрушенной Останкинской башни она находит работающий радиопередатчик и голос из-за горизонта, где небо почему-то чистое.

Лире предстоит спуститься в отравленные катакомбы метро и бросить вызов самой структуре Грозового Престола. Ее дар управлять молниями — это ключ к тому, чтобы навсегда выключить Великое Небо и вернуть человечеству солнце. Или окончательно уничтожить старый мир, спровоцировав Вспышку, которая испарит биосферу.

Содержание

Пролог. Сто дней, когда небо сошло с ума

4

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Алекса К.

Эпоха Грозного Престола

Пролог. Сто дней, когда небо сошло с ума

Год Первый от Великого Раската.

Они до сих пор помнят запах первого дня. Озон. Сжиженный металл. И сладковатый аромат испаряющейся органики. Никто не понял, что именно произошло в 14:22 по единому времени Гринвича. Астрономы говорили о прохождении Земли через неопознанное пылевое облако с аномальной магнитной проницаемостью. Военные же винили орбитальное оружие противника. Священники — Второе Пришествие. Правда оказалась страшнее любой из теорий: ионосфера планеты просто схлопнулась.

Первые три дня молнии били только в высокие объекты. Небоскребы «Москва-Сити» превратились в гигантские плавильные печи; их стеклянные фасады текли вниз жидким серебром, а стальные каркасы гудели на басовой ноте, от которой трескались бетонные фундаменты. Затем буря спустилась ниже. Молнии перестали искать кратчайший путь к земле. Они начали танцевать. Шаровая плазма размером с

грузовик часами висела над жилыми кварталами, методично выжигая кислород. Любая микросхема, любая медная жила, оказавшаяся в радиусе километра от эпицентра, вспыхивала белым пламенем. Мировая паутина умерла за сорок секунд. Сплавлись серверы, испарились оптоволоконные кабели на дне океанов. Человечество мгновенно оглохло и ослепло.

На десятый день пошел дождь из расплавленного свинца — это сгорели остатки спутниковых группировок. На двадцать второй день молния ударила в Йеллоустонский супервулкан. Столб пепла поднялся на пятьдесят километров, навсегда похоронив полуденное солнце под черным саваном. Температура упала на пятнадцать градусов за неделю. Началась Великая Зима Грозы.

Но худшее случилось на тридцать четвертый день.

Вирус всегда был там. Он спал глубоко в земной коре, в базальтовых пустотах докембрийской эпохи, идеально сохранившись в янтарных каплях древней смолы. Ему нужны были триллионы вольт для активации катализатора. Буря предоставила их в избытке. Каждая вспышка работала как глобальный инкубатор. Атмосферный азот вступил в реакцию с древним ретровирусом, и тот обрушился на землю вместе с ледяным дождем.

Человеческий организм оказался идеальной питательной средой. Вирус переписывал ДНК со скоростью лесного пожара. Первые симптомы напоминали тяжелейший грипп, который сжигал жертву изнутри за двенадцать часов. Из ушей,

носа и глаз шла кровь, вскипающая прямо на лице. Кожа покрывалась сеткой лопающихся капилляров, похожих на чертежи несостоявшихся молний. Выжило меньше десяти процентов населения. Девяносто процентов мутировали иначе. Их кости стали хрупкими, зрение атрофировалось за ненадобностью в вечном сумраке, а мозг упростился до базовых инстинктов страха перед светом и огнем. Люди потеряли дар речи, превратившись в слепых троглодитов, которые прячутся в коллекторах и жрут сырое мясо павших животных.

Оставшиеся десять процентов... изменились **правильно. Идеально.** Вирус перестроил их митохондрии, научив клетки вырабатывать собственное биоэлектричество. Гемоглобин заменился на сложный железосодержащий полимер, способный удерживать не только кислород, но и статический заряд. Но эволюция требовала баланса. Новая биология генерировала колоссальную тепловую энергию. Без внешнего охлаждения тело начинало переваривать само себя в лихорадочном бреду. Единственным хладагентом, способным сбить эту внутреннюю печь, стал гемоглобин млекопитающих. А единственным источником энергии, гасящим бесконечные микроразряды в нервных окончаниях — чистая атмосферная электростатика. Так родились Высшие. *Сангвинеры.*

Их глаза адаптировались к низкочастотному спектру — они видели мир в оттенках тепла и электромагнитного поля. Их кожа приобрела мертвенно-бледный, фарфоровый отте-

нок, так как меланин исчез за ненадобностью. Ночное зрение стало абсолютным. Когда шторм наконец начал стихать на сотый день, первые Сангвинары выбрались из своих укрытий. Они больше не нуждались во сне — их нервная система перезагружалась от ударов молний. Они двигались быстрее звука, оставляя после себя лишь остаточный след на сетчатке глаза. И они были невыносимы, их сводил с ума голод.

Старая цивилизация рухнула не потому, что ее сожгли. Она рухнула, потому что стала едой. Вампиры не строили империю. Они просто заняли вершину пищевой цепи. За следующие семьдесят лет они возвели Грозовой Престол. Используя рабский труд одичавших людей, они восстановили принципы Теслы в промышленных масштабах. Над руинами мегаполисов выросли аркологии-шпили. Титановая арматура, впаянная в гранит, пронзала вечно клубящиеся гроззовые тучи. Каждый удар молнии теперь не рассеивался впустую — он уходил в подземные литий-графеновые криохранилища, спрятанные в бывших линиях метрополитена. Энергетический феодализм работал безотказно: чем ближе аристократ стоял к главному накопителю во время разряда, тем чище была его плазма, тем острее его разум и тем дольше период бодрствования.

Лира родилась уже под этим небом. Для нее багровые всполохи, закрывающие звезды, были нормой. Гудение высоковольтных линий, натянутых между крышами мертвых высоток, — колыбельной. Она никогда не видела синего

неба. Только красное. Или черное.

Сегодня дежурство выпало на сектор старой Останкинской башни. Лира лежала на промерзшем рубероиде технического балкона, плотно завернувшись в фольгированный плащ. Внизу, в Искристой Москве, горели костры из старых автомобильных покрышек. Стержни — люди-инженеры с вживленными в позвоночник электродами — сгоняли стадо слепых туда, где завтра будет проложена новая линия громоотвода. Воздух пах озоном и гарью. Приближалась внеплановая буря. Граф Орлов любил развлекаться перед сном, заставляя рабов ловить разряды голыми руками.

Тяжелые капли ледяного дождя забарабанили по плечам. Лира сняла с пояса самодельную катушку Румкорфа, проверяя искровой промежуток. Ее волосы, тонкие и белые от постоянного радиационного фона, начали едва заметно потрескивать, приподнимаясь над головой. Это было ее проклятие. Ее наследство. Там, где обычный человек получил бы остановку сердца, она чувствовала лишь приятный зуд в деснах. Она могла поймать шаровую молнию ладонями и запереть ее в стеклянной банке. Сангвинары презрительно называли таких, как она, «Искрами». Бракованный генетический материал. Живые батарейки, слишком нестабильные для превращения в высших, но идеальные для гладиаторских арен

Нижнего города. От прикосновения Высшего ее собственная биоэлектрика сходила с ума, вызывая приступы боли, сравнимой с дроблением костей.

Очередная молния ударила в иглу башни тремя этажами выше. Ударная волна сбросила Лиру с насиженного места. Она кубарем покатилась по скату, чудом успев зацепиться пальцами за край проржавевшего ливнестока. Пальцы обожгло током — изоляция давно слезла, обнажив мокрую сталь. По предплечью вверх рванула белая дуга. Боль была острой, чистой, почти отрезвляющей. Лира выдохнула пар, подтягиваясь обратно.

И замерла.

Из вентиляционной шахты, которую она считала наглухо заваренной еще прошлым летом, пробивался свет. Не красный пульсирующий свет аварийных ламп Сангвинаров. И не тусклое оранжевое мерцание человеческого костра. Это был ровный, холодный, мертво-голубой диодный луч. Старый свет. Свет мира, которого больше нет.

Любопытство оказалось сильнее страха быть пойманной патрулем графа. Держась подальше от оголенных проводов, Лира скользнула внутрь шахты. Пробравшись через завалы птичьих скелетов и спекшейся пыли, она выломала решетку жилого этажа. Дверь в аппаратную комнату связи была открыта. Внутри воняло озоном, спиртом и машинным маслом.

За столом, перед рядами древних мониторов ЭЛТ, покры-

тых толстым слоем пыли, сидел человек.

Он был стар. Настоящей, человеческой старостью, с морщинистой кожей и седой щетиной. Рядом с ним стояла химическая грелка, шипящая едким паром. Человек крутил ручки настройки массивного военного трансивера, покрытого инеем. Его пальцы, обмотанные медной проволокой, дрожали. Он смотрел не на приборы. Он смотрел в единственное чистое окно комнаты, выходящее на запад. Там, далеко за горизонтом, среди сплошной стены черных туч, виднелся разрыв. Маленькая, абсолютно круглая дыра в облачном покрове. Сквозь нее лился тонюсенький, забытый всеми столб лунного света. Он падал на верхушку какой-то далекой сопки, и снег там блестел настоящей, первозданной белизной.

Старик закончил настройку частоты. Достал из-за пазухи тяжелый латунный микрофон, откашлялся и нажал кнопку передачи. Голос, искаженный статикой, но твердый, поплыл сквозь рев бури:

— Альфа-Омега вызывает Ковчег. Частота стабильна. Западный фронт держится. Мы нашли чистую воду. Повторяю, мы нашли...

Договорить он не успел.

Стекло за его спиной взорвалось осколками закаленной стали. Что-то огромное, быстрее пули, влетело в комнату. Воздух затрещал от переизбытка статики. Старика сорвало со стула и впечатало в противоположную стену с такой силой, что переломился стальной опорный швеллер.

Граф Орлов повис в воздухе посреди аппаратной, медленно опустившись на носки дорогих кожаных сапог. Его фрак из черного шелка не имел ни единой складки. Белоснежная рука с когтеобразными ногтями небрежно отбросила обмякшее тело инженера. Граф втянул носом воздух, глядя прямо на вентиляционную решетку, за которой пряталась Лира.

— Запах паленой меди, — прошептал он, и в его голосе не было ничего человеческого, только вибрация высоковольтных частот. — Искра. Несовершенство. Ты прячешь свой дар от Престола, дитя? Сегодня ночью ты узнаешь, каково это — отдавать долг полностью.

Он щелкнул пальцами. Медная проводка стен пошла синими искрами, замыкаясь в единую цепь, направленную прямо на вентиляцию. Ток должен был сварить Лире легкие внутри грудной клетки.

Она зажмурилась, прижала ладони к ушам, чтобы не слышать предсмертный хрип старика внизу, и шагнула из тени прямо в поток электричества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.